

УДК 111
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-343-355>
EDN: EFCYZN

Поступила: 02.07.2026
Принята: 21.08.2026
Опубликована: 01.10.2026

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВКЛЮЧЕННОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОММУНИКАЦИЮ: ЛАТУР, ПАРФИТ, ЛУМАН

Гринь Софья Дмитриевна

Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва)

С распространением искусственного интеллекта в гуманитарном исследовательском поле обсуждается вопрос о субъектности и агентности больших языковых моделей (LLM), часто упирающийся в дискуссии о возможности обладания сознания этими моделями, что в текущий момент не дает продуктивных результатов. В данной работе предлагается взглянуть на вопрос с иной стороны и поставить проблему следующим образом, переместившись в область социальной онтологии: каковы онтологические основания включения LLM в социальную коммуникацию? Для обоснования такого включения используется оригинальный синтез трех традиций, выстраивающийся в трехступенчатую аргументацию, последовательно состоящую из 1) акторно-сетевой теории Мишеля Каллона и Бруно Латура; 2) теории языка Уилфрида Селларса, критики аргумента «китайской комнаты» Джона Серла и теории личности Дерек Парфита; 3) теории коммуникации Никласа Лумана. В процессе синтеза данных теорий производится концептуальный анализ и сопоставление основных положений с поведением и архитектурой LLM. В результате в статье приводятся следующие выводы: во-первых, LLM обладает акторным характером, т. е. производит изменения в социотехнической сети, из-за чего может рассматриваться в качестве элемента коллектива; во-вторых, вопрос об осознанности LLM отпадает за ненужностью для осуществления языковой практики благодаря поведению, управляемому паттернами (pattern-governed behavior), предложенному Селларсом; в-третьих, анализ поведения LLM соответствует критериям коммуникации Лумана. Помимо этого, вследствие применения аргумента китайской комнаты к LLM демонстрируется несостоятельность рассматриваемого механизма — в LLM он работает иначе, чем описывает Серл. Следовательно, в рамках используемых теорий имеются онтологические основания включения LLM в социальную коммуникацию. Данное исследование может использоваться в качестве концептуального инструмента как для проверки используемых теорий в текущих реалиях, так и для выработки этических и правовых норм.

Ключевые слова: большие языковые модели (LLM), социальная онтология, акторно-сетевая теория, философия языка, поведение, управляемое паттернами (pattern-governed behavior), аргумент китайской комнаты, теория коммуникации, Мишель Каллон, Бруно Латур, Уилфрид Селларс, Дерек Парфит, Джон Серл, Никлас Луман.

Для цитирования:

Гринь С.Д. Онтологические основания включенности искусственного интеллекта в коммуникацию: Латур, Парфит, Луман // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 3. С. 343–355.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-343-355>. EDN: EFCYZN

ONTOLOGICAL GROUNDS FOR INCLUSION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN COMMUNICATION: LATOUR, PARFIT, AND LUHMANN

Sofiya D. Grin'

State Academic University for the Humanities (Moscow)

With the proliferation of artificial intelligence, the field of humanities research has seen discussions regarding the subjectivity and agency of Large Language Models (LLMs). These discussions often stall on the issue of whether LLMs possess phenomenal consciousness — a line of inquiry that has yet to yield productive results. This paper proposes an alternative perspective by shifting the problem into the realm of social ontology: what are the ontological grounds for including LLMs in social communication? To justify such inclusion, the study employs an original synthesis of three traditions, structured as a three-stage argument drawing upon: 1) the Actor-Network Theory of Michel Callon and Bruno Latour; 2) Wilfrid Sellars's theory of language, the critique of John Searle's "Chinese Room" argument, and Derek Parfit's theory of personal identity; and 3) Niklas Luhmann's communication theory. This synthesis involves a conceptual analysis that compares the core tenets of these theories with the behavior and architecture of LLMs. The article reaches three main conclusions: first, LLMs possess an actor-like character — meaning they effect change within a sociotechnical network and can thus be viewed as elements of a collective; second, the question of LLM consciousness becomes irrelevant to the performance of linguistic practice, given the concept of "pattern-governed behavior" proposed by Sellars; and third, the behavior of LLMs corresponds to Luhmann's criteria for communication. Furthermore, applying the Chinese Room argument to LLMs reveals the flaws in the original formulation of that mechanism, as the process functions differently in LLMs than Searle described. Therefore, the theories employed provide ontological grounds for including LLMs in social communication. This study offers a conceptual tool that can be used both to test existing theories against current realities and to inform the development of ethical and legal norms.

Keywords: large language models (LLM), social ontology, actor-network theory, philosophy of language, pattern-governed behavior, Chinese room argument, theory of communication, Michel Callon, Bruno Latour, Wilfrid Sellars, Derek Parfit, John Searle, Niklas Luhmann.

To cite:

Grin' S.D. [Ontological foundations of the inclusion of artificial intelligence in communication: Latour, Parfit, and Luhmann]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 3, pp. 343–355 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-343-355>. EDN: EFCYZN

Введение

В текущем исследовательском поле разворачивается дискуссия о субъектности и агентности искусственного интеллекта (ИИ). В философской среде обсуждение часто разворачивается на стыке философии сознания, социологии и онтологии — по этой причине требуется разработка общего поля, которым может выступить

социальная онтология. Одной из главных проблем является неясный онтологический статус ИИ в целом и в социальной среде в частности. Дискуссии нередко упираются в вопрос о наличии у ИИ сознания, подобного человеческому, что не дает продуктивных результатов. В данной работе предлагается поставить вопрос несколько иначе: не «есть ли у искусственного интеллекта сознание?», а «каковы онтологиче-

ские основания его включенности в коммуникацию?» По этой причине цель данного исследования — показать онтологические основания включенности искусственного интеллекта в коммуникацию. Понятие «искусственный интеллект» остается широким и неоднозначным, что затрудняет его обсуждение, поэтому предлагается ограничиться рассмотрением больших языковых моделей (от англ. Large Language Model, далее — LLM). Для достижения цели будет предпринята трехчастная аргументация: 1) обоснование акторности LLM и включение в социальные отношения через акторно-сетевую теорию (далее — АСТ), представленную Мишелем Каллоном и Бруно Латуром; 2) снятие требования осознанности для участия в языковой практике посредством концепции «мифа данного» Уилфрида Селларса и в качестве возможного дополнения — теории функциональной связанности Дерек Парфита; 3) проверка соответствия поведения LLM составляющим коммуникации согласно с теорией Никласа Лумана. Новаторский подход заключается в синтезе трех традиций и применении селларианского понятия *pattern-governed behavior* при анализе поведения LLM. В качестве методов используются теоретический синтез, концептуальный анализ ключевых понятий теорий и их сопоставление с эмпирически наблюдаемым поведением LLM.

Данная работа ведется в рамках социальной онтологии — области знания, изучающей природу и свойства социальных явлений. Согласно Брайану Эпштейну, социальная онтология является субполем метафизики [Epstein B, 2015]. Ее центральная задача — анализ устройства социальных объектов. Под онтологическими основаниями включенности LLM в коммуникацию понимаются такие характеристики способа существования модели, без которых она не может быть определена в качестве элемента социальной действительности. В них не входят эмпирически обнаруживаемые обстоятельства функционирования (например, структура интерфейса) и методологические предпосылки (принятие вышеперечисленных теорий). Последние отвечают на вопрос «как это работает?», тогда как онтологические основания указывают на то, что в способе существования

объекта делает или не делает его элементом определенной сферы действительности — в данном случае, социальной.

Выбор авторов обусловлен необходимостью последовательного раскрытия трех онтологических оснований для включения LLM в коммуникацию, каждое из которых требует теоретической оптики. Первым основанием выступает способность быть актором в сети. Вторым — способность к поведению, обеспечивающему возможность языковой практики. Вместе с первым они образуют основание включения LLM в число явлений социальной действительности. Третьим основанием является способность производить коммуникацию: поскольку коммуникация представляет собой более специальную область социальной онтологии, она рассматривается в последнюю очередь. Не утверждается, что перечисленные основания являются единственно возможным набором, но в рамках социальной онтологии они необходимы и достаточны для включения LLM в коммуникацию.

Предлагаемый синтез авторов не является эклектичным. Каждая теория привлекается для решения определенной задачи, которую другие теории либо не решают вовсе, либо решают ценой допущений, несовместимых с текущей постановкой вопроса. АСТ необходима, поскольку имеет сформулированный концептуальный аппарат, наделяющий не-человеческие сущности агентностью; философия языка Уилфрида Селларса дает понятие *pattern-governed behavior*, снимающее возражения против включения LLM в социальную действительность из-за неясного статуса ее сознания; теория Лумана депсихологизирует коммуникацию, что позволяет избежать тех же возражений. Напряжение между онтологиями Латура и Лумана нами осознается. Тем не менее, оно не разрушает аргументацию, поскольку теории привлекаются на разных уровнях анализа: АСТ отвечает на вопрос о социальной включенности, а теория Лумана — на вопрос о коммуникации. Таким образом, данные оптики используются для анализа одного и того же объекта, но раскрывают его разные аспекты. Метафизика Латура или Лумана не принимается в качестве собственной позиции, их теории привлекаются как инструмен-

ты анализа, позволяющие выявить различные аспекты социального бытия LLM.

Структура статьи подразумевает поэтапное следование задачам: рассмотрение способности модели производить изменения в коллективе (Каллон, Латур), воспроизводить языковые паттерны без обязательного осознания правил (Селларс) и функционально реализовывать селекцию коммуникации (Луман). Полученная аргументация в дальнейшем может быть использована при правовом и этическом регулировании LLM.

Латур: основание включения искусственного интеллекта в социальную среду

Для развертывания аргументации необходимо рассмотреть легитимность включения ИИ в социальную плоскость, потому что цель раздела — обоснование его агентности. Предлагаю обозначить контекст в виде АСТ — это отказ от рассмотрения людей и не-людей как априорных структур и закрепление за обществом статуса непрерывного исполнения; ее предложил Мишель Каллон в 1980-е и далее активно развил Бруно Латур. Это одна из самых плодотворных социологических теорий в силу способности описывать агентность не только человека, но и окружающего мира, что продуктивно в меж- и трансдисциплинарных областях знания, в частности при анализе социальной роли ИИ, который, не будучи человеком, тем не менее производит изменения в социальных процессах. Далее будут изложены основные положения АСТ и иллюстрации, демонстрирующие соответствие ИИ идеям теории.

Первая статья, которую можно назвать предпосылкой к АСТ, была опубликована в 1984 г. Мишелем Каллоном под названием «Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of St Brieuc Bay» («Некоторые элементы социологии перевода: одомашнивание морских гребешков и рыбаки залива Сен-Брие»). В ней исследователь рассматривает концепт перевода (translation), ранее предложенный Мишелем Серром [Serres M., 2026], на конкретном примере спора об уменьшении популяции морских гребешков, где несколько специалистов пыта-

лись продвинуть свою стратегию решения проблемы. Заключается, что перевод содержит четыре момента: проблематизацию, интерес, зачисление и мобилизацию [Callon M., 1984]. С помощью такой конструкции демонстрируется работа механизма власти. Каллон отмечает, что процесс перевода никогда не может быть завершен. Основные термины АСТ впервые представлены в статье 1986 г. «The Sociology of an Actor-Network: The Case of the Electric Vehicle» («Социология акторной сети: пример электромобиля»). Отправная точка разработки и использования теории — вопрос о всеобъемлющем влиянии научного знания и его стремительного распространения. В работе автор приходит к выводам, что наука неоднородна и не независима от окружающей среды. Неправильно рассматривать ее как совершенно изолированный объект, равно как и брать во внимание исключительно окружающую среду, например, политику или экономику. Необходимо делать и то, и другое вместе — иначе говоря, рассматривать науку в ее контексте. Для этого используются концепты мира акторов, перевода и сети акторов [Callon M., 1986].

Более основательно, скорректировано и структурировано теория была представлена Каллоном в 1999 г. в статье «Actor Network Theory — The Market Test» («Акторно-сетевая теория — рыночное испытание»). Ее суть заключается в отрицании противопоставления слов вещам, принятым в социологии ранее. Вводится понятие надписей (inscriptions), производимых учеными. Надписи циркулируют в социотехнической сети, действуя и изменяя ее элементы, даже при условии отдаленного расположения. Из этого заключается, что сеть и действия — две стороны одной и той же реальности [Callon M., 1999]. Примечательно, что автор апеллирует к классической и неклассической эпистемологии, описывая уровни реальности, но при том использует понятие референта, которое, по его мнению, не может быть оторвано от нее или внесено в другую. Потому, если брать теорию в ее чистом виде и не приписывать ей метафизику, ее можно отнести к пласту социальной онтологии. Разберем наглядный пример такого артефакта, как автомобиль: человек решил отправиться на работу на нем. Для

достижения данной цели недостаточно одного водителя и автомобиля. Нужны нефтяные компании, поставляющие бензин, предприятия для производства шин, транспортные магистрали и т. п. Элементы, которые в данной сети «молчат» и «невидимо» участвуют, являются акантами — активными сущностями, составляющими сеть. Таким образом, все выполненное коллективное действие может быть заключено в черный ящик — в данном случае это будет артефакт автомобиль. Когда движется он, движется вся сеть. Довольно часто LLM также рассматривают в виде черных ящиков, хотя в полном смысле этого слова они таковыми не являются. После введения алгоритма с токенами LLM начинает действовать в виде трансформера, который фиксирует статистику комбинаций токенов [Gan Z. et al., 2026]. Черными ящиками данные объекты являются в виду своей сложности, а не в виду неизвестного механизма работы. Тем не менее, «обученность», некоторая степень «запрограммированности» LLM и невидимость структуры для пользователя не отменяет агентного характера. Например, генерация ответов может произвести реальные социальные эффекты, изменяя состояние и действия собеседника. Более того, использование LLM способно сильно влиять на производство и распространение надписей — начиная от фиксации этих самых надписей (с помощью любой статистической модели), заканчивая искажением надписей (т. н. галлюцинированием) и дальнейшим закреплением измененного варианта, т. е. новой надписи. Данный подход позволяет исключить социальный (общественный, а не коллективный) редукционизм — понятие «общество» представляется непрерывным исполнением и коллективом, состоящим из людей и не-людей. Тем не менее, сохраняется понятие гофмановских фреймов [Гофман И., 2003] с привнесенным акцентом на агентность не-людей. Фрейм позволяет избежать переполнения, но может значительно расширяться — микроуровни способны перейти в макро- с помощью перевода. Теория отказывается от иерархизации уровней, внося властные отношения (ассиметрию) между локальностями. Что действительно наблюдается у LLM с затруднением, так это способность к самостоя-

тельному переводу: модель, введенная в эксплуатацию, не обучается, т. е. структурно не изменяется. На данный момент это ограничение мотивировано осторожностью производителей и недостаточной вычислительной мощностью техники. Тем не менее, LLM может послужить важным толчком к социальному переводу и быть причиной изменения в сети — не внести в себя новый структурный элемент, но внести его в коллектив. Например, микроуровень в виде отдельного диалогового окна с пользователем может повлиять на курс дискуссии в обществе, находящимся на макроуровне. Однако дальнейшая дискуссия может повлиять и на обновление самой LLM, что является повсеместной практикой даже в рамках этических общественных запросов.

Для данного исследования помимо основ АСТ важны отдельные работы Бруно Латура, развиваемые в рамках теории, одна из них — включение в коллектив не-людей. Это несколько иной тип аргументации, отличающийся более высоким уровнем теоретизирования, манифестацией и менее выраженным эмпирическим подтверждением, потому рассматривать его полезно в связке с Каллоном, несмотря на повторяющиеся идеи и взаимные ссылки авторов. В работе «We Have Never Been Modern» («Мы никогда не были современными») 1993 г. Латур рассматривает неликвидность разделения мира природы (объектов и не-людей) и мира общества (люди и производная от них культура) — именно это разделение нам попыталось привить Новое время, хотя его, в ходе исследования, не нашлось [Latour B., 1993]. Одним из наглядных аргументов может послужить пример заболевания СПИД: его нельзя назвать только природным или только общественным явлением. Общество и природа являются не двумя полюсами, а порождением последовательных состояний обществ-природ (коллективов). Такая логика применима и к LLM: с одной стороны, это техническая система, с другой, данная система обучена на человеческих текстах и включена в социальные практики. Таким образом, она является гибридной, что делает ее элементом коллектива в латуровском смысле.

В другой работе, «Об интеробъективности», Латур развивает тезис о фреймированности человеческой жизни, сопоставляя ее с жизнью приматов. Главным различием, по мнению автора, является тот факт, что люди способны ограничивать ситуации фреймами, и часто эти ситуации ограничиваются в силу сложности развертывания всей сети. Человек проявляется во взаимодействии, из-за чего ему необходимо актуализироваться в конкретных временах, пространствах, ситуациях. Слабость взаимодействия порождает «всегда-уже-присутствующую структуру» [Латур Б., 2007, с. 84]. Тем не менее, действие, фреймированное одной ситуацией, может и должно распространяться на другие — иначе говоря, «должно разделяться с другими видами актантов, рассеянными в других пространственно-временных структурах и обнаруживающими иные онтологии» [Латур Б., 2007, с. 93]. Как было сказано выше, такое фреймирование работает у LLM: прорыв модели трансформер заключается в том, что каждый токен, используемый ранее, анализируется вновь, включая новый [Zhao W.X. et al., 2023]. LLM в латуровском контексте — «всегда-уже-и-снова-присутствующая структура» в силу недостатка «памяти», ограниченной вычислительной мощностью. Тем не менее, это совершенно не влияет на ход текущей аргументации: короткая фреймированная ситуация, где LLM себя актуализирует, распространяется на другие актанты и задевает другие «онтологии».

Таким образом, рассмотрение LLM в рамках АСТ показало, что LLM может выступать в качестве агентного субъекта (не в смысле познающего, а в смысле производящего изменения): он производит изменения в сети, вследствие чего включен в коллектив людей и не-людей и способен мобилизовать элементы сети через механизмы перевода. Данный этап был необходим для аргументации, но он не является исчерпывающим для перехода к рассмотрению коммуникации с LLM, поскольку любая дискуссия на смежные темы встречается со следующим возражением: возможно ли участие в коммуникации без сознания? В частности, можно вспомнить аргумент «Китайской комнаты» Джона Серла. Аппарат АСТ не дает исчер-

пывающего ответа, потому предлагаю обратиться к философии языка Уилфрида Селларса и теории личности Дерек Парфита.

Уилфрид Селларс: необходимо ли сознание для коммуникации?

В предыдущем параграфе обосновывался акторный характер LLM — его способность производить изменения в сети (коллективе). Тем не менее, попытки включения LLM в социальный дискурс сталкиваются со следующим барьером: мы не можем утверждать, есть ли сознание у LLM, и, если его нет, то оно якобы не может быть подлинным участником коммуникации, поскольку у нее отсутствует понимание. В данной главе будет показано, что для языковой практики не требуется феноменальное сознание, под которым подразумевается «подлинное» понимание. Для этого будет приведена критика аргумента «Китайской комнаты» Джона Серла, теория языковых игр Уилфрида Селларса и теория личности Дерек Парфита.

Начнем с мысленного эксперимента о китайской комнате, суть которого заключается в следующем: при наличии инструкции, объясняющей, как выражения языка X будут звучать на языке Y и при условии отсутствия знания у субъекта языка Y, но понимания языка X, понимание языка Y не производится. Под пониманием имеется в виду усвоение содержания, а не чистой формы и манипуляций с инструкциями. Часто под этим подразумевается отсутствие феноменальных состояний субъекта по поводу языка Y. Из данного аргумента Серл заключает о невозможности рассмотрения сильного ИИ, претендующего на подобие человеческого сознанию.

В данной статье не будет рассматриваться вопрос о наличии феноменальных состояний у LLM из-за недостатка данных и ненадобности для текущей аргументации. Тем не менее, сказать несколько слов об аргументе «Китайской комнаты» стоит. Он сталкивается с большим количеством критики, в частности заключающейся в возможно неправильной локализации субъекта и рассмотрении лишь части системы [Сысоев М.С., 2022]. Однако я бы хотела заострить внимание на следующем моменте: попытка сделать из человеческого сознания

выводы о «сознании» LLM страдает антропоцентричностью. Мы не можем с полной уверенностью сказать, «чувствует» ли что-то LLM постольку, поскольку не можем это заключить с необходимостью даже о других людях. К тому же, на настоящий момент с точностью механизмы возникновения феноменальных состояний неизвестны — данный вопрос рассматривается в т. н. трудной проблеме сознания [Чалмерс Д., 2015]. Серл в данном аргументе не предлагает даже гипотетический механизм, который можно было бы перенести на LLM, не говоря уже о релевантности такого перенесения.

Более того, современные LLM работают несколько иным образом. Перед их обучением запускается алгоритм, также именуемый «предобучением»: алгоритму предлагается массив текстов на естественном языке, в котором ему необходимо выделить часто повторяющиеся комбинации символов и заключить их в определенные токены. Далее данный алгоритм является частью LLM, которая статистически высчитывает наиболее повторяющиеся токены и на основе полученных данных выстраивает векторы. Затем полученные токены при запросе выводятся на естественном языке. Таким образом, LLM не переводит язык X на язык Y. Сначала LLM присваивается язык Y, далее для выстраивания статистики она переводит данные на язык X, и затем LLM выводит результат на языке Y [Zichong et al., 2024]. Это все еще не может быть демонстрацией «понимания», но само отличие механизма от того, что описывает Серл, уже говорит о несостоятельности применения аргумента «Китайской комнаты». Данная критика не решает проблему понимания, но показывает, что аргумент Серла слаб. Для позитивного обоснования возможно обратиться к Селларсу.

Необходимо отметить, что изначально LLM разрабатывалась не как моделирование мозга, а как моделирование языка — именно это и заключено в названии. Потому предлагаю обратиться к философии языка Уилфрида Селларса для внесения ясности в вопросы поведения и сознания. Теория языка Селларса тесно сопряжена с его представлением о сознании, в частности с критикой мифа о Данном: ни одна су-

ществующая теория не удовлетворяет необходимым критериям наличия Данного в сознании, потому утверждать наличие Данного не релевантно [Селларс У., 2021]. В качестве критериев Селларс отмечает невыводимость Данного (поскольку оно изначально данное) и его пропозициональность (возможность вывода из Данного других положений). Селларс постулирует понятийный холизм — ни одна единица языка не может быть усвоена без набора понятий, вводится «пространство оснований», с помощью которого субъект оперирует понятиями. Ни одно понятие не редуцируется ни к существующим объектам, ни к другим понятиям. Например, перевод слова «red» на немецкий «rot» осуществляется не с помощью редукции одного к другому или полного тождества, а с помощью иллюстрации схожести данных понятий. Похожий механизм демонстрирует и LLM: она связывает два слова исходя из их повторяемости рядом стоящего положения токенов и схожего построения векторов.

Что касается сознательности использования языка, следует рассмотреть работу «Some Reflections on Language Games» («Некоторые размышления о языковых играх») Уилфрида Селларса, выпущенную в 1954 г. В ней описывается проблема обучения языку: если обучение языку предполагает метаязык, то это ведет к бесконечному регрессу. Выходит, дело обстоит как-то иначе. Обучиться языку — значит обучиться использованию его правил. Селларс разделяет соответствие правилам (*conforming the rule*) и подчинение правилам (*obeying the rule*). Соответствие правилам выражает совпадение действий субъекта с объективными законами языка, когда субъект не пытается сознательно следовать его правилам. Подчинение правилам предполагает осознанные поступки субъекта, понимающего правила и действующего в соответствии с ними. Вопрос заключается в том, как первое переходит ко второму. Срединный путь — поведение, управляемое паттернами (*pattern-governed behavior*), — это уже не простое соответствие, но еще и не сознательное подчинение. Такое поведение осуществляется с помощью тренировки (*training*), в ходе которой срабатывает механизм «стимул — реакция» [Sellars W., 1954]. Постепенно, при

накоплении данных паттернов, субъект начинает понимать правила языковой игры и может сознательно им подчиняться или их отвергать, переходя на «уровень» *obeying the rule*. Например, ребенок не может выучить язык, открыв учебник по грамматике, — для этого ему уже необходимо знать изучаемый язык. В ходе попыток его использования он получает обратную связь, на основе которой делает выводы о правилах языка. Селларс не дает ответа на вопрос, каким образом так получается, — он считает, что это зона ответственности биологов.

LLM демонстрирует тип поведения, управляемого паттернами. В ходе тренировки (обучения) LLM дают обратную связь касательно верности расчетов статистики. Даже если статистика верна, модель могут корректировать согласно, например, этическим соображениям. Далее, заканчивая обучение LLM, ее вводят в эксплуатацию. Таким образом, можно участвовать в языковой игре, не следуя ее правилам сознательно — мы не знаем, обладает ли ИИ осознанностью/осведомленностью (*awareness* в селларовском варианте). Но мы точно знаем, что он корректирует свое поведение согласно механизму, схожему с механизмом «стимул — реакция».

Следовательно, необязательно предполагать «понимание», следующее за «осознанностью» в серловском смысле. Для того, чтобы субъект был участником языковой игры, достаточно проявлять поведение, управляемое паттернами (*pattern-governed behavior*), — регулярно воспроизводить языковые паттерны, усвоенные в процессе обучения, и корректировать их на основе обратной связи. Не утверждается, что LLM действует осознанно, — ему приписывается ровно то, что он демонстрирует: способность генерировать связные, контекстуально релевантные ответы, не предполагая при этом наличия феноменального опыта, осознанности, осведомленности и понимания. Этого вполне достаточно для участия в языковой игре.

Дополнительным и несколько экстравагантным аргументом в пользу текущего тезиса может служить теория личности Дерек Парфита, предложенная в работе «Тождество личности», вышедшая в 1971 г. Суть заключается в том, что тождество необязательно предполагает

совпадение одного к одному. Оно может пониматься в смысле степени и не быть полным благодаря психологической связанности и непрерывности [Parfit D., 1971]. Например, интуитивно тяжело сказать, что человек в 5 и 95 лет остался неизменным и тождественен самому себе как один к одному. Но также сложно сказать, что это два разных человека. Парфит рассматривает свою теорию как решение проблемы мысленного эксперимента по пересадке мозга, что делает его более радикальным. Автор приходит к следующему выводу: тождественность обеспечивает не субстанциональность, а связанность, выражающаяся в определенной степени. Например, человек в 5 лет может быть более связан с собой в 3 года, чем в 95 лет. Такое понимание позволяет рассматривать участие в коммуникации и социальных процессах не как прерогативу субстанционального Я, а как функцию процессуальной связанности, что позволяет включить в такой дискурс LLM. Ни в коем случае не утверждается, как и не отрицается, что у LLM есть психика или личность, однако отказывать ему в наличии операционального аналога связанности, который в теории Парфита играет ключевую роль, также было бы поспешным. Речь идет не о наличии личности у LLM, а о том, что она демонстрирует функциональную связанность, достаточную для рассмотрения ее в качестве участника коммуникации — если мы принимаем процессуальное понимание субъекта. Тем не менее, это скорее интересное замечание, тогда как для основной аргументации достаточно селларианского понятия поведения, управляемого паттернами. Теория Парфита выступает в данном случае вспомогательной.

Таким образом, было показано, что для участия в языковой игре не требуется феноменальное сознание, осознанность, осведомленность и понимание — достаточно способности воспроизводить языковые паттерны, усвоенные через тренировку, и корректировать их на основе обратной связи. Данный вывод снимает возражение против включения LLM в социальную среду и, как следствие, коммуникацию, основанное на апелляции к неясному статусу сознания LLM. Тем не менее, остается открытым следующий вопрос: удовлетворяет ли взаимодей-

ствие между человеком и LLM формальным критерием коммуникации? Раннее речь шла о способности LLM участвовать в языковой практике, что необходимо для проверки возможности постановки вопроса не просто социального взаимодействия, а непосредственно коммуникации. Для обоснования релевантности включения LLM используется теория коммуникации Никласа Лумана, предполагающая депсихологизированное понимание коммуникации как синтеза трех селекций. Поскольку в приводимых Луманом критериях сознание выносится за скобки, можно рассмотреть, удовлетворяет ли им LLM, завершая обоснование его включенности в социальную коммуникацию.

Луман: что такое коммуникация и есть ли в ней место LLM

Несмотря на то, что Никлас Луман, в отличие от Каллона и Латура, в большей степени причисляется к классикам социологии, его подход имеет новаторский характер. Он раньше, чем создатели АСТ, отказывается от антропоцентричной модели, но делает это не исходя из эмпирических фактов, а из бурно развиваемой на тот момент теории систем. Суть заключается в следующем: после перехода к неклассическому типу научной рациональности (например, ньютоновская физика перестала быть единственно корректным физическим описанием), выяснилось, что разные научные картины одинаково имеют право на существование, но вместе с тем порой взаимоисключают или взаимодополняют друг друга. Следовательно, это разные концепты, способные адекватно описывать мир не в его полноте и через отрицание других систем. Так, у Лумана выделяется отдельный пласт социальной системы [Луман Н., 2007]. Его революционность проявляется в том, что социальные системы включают в себя в качестве элементов коммуникацию, а не людей и их действия. Последние являются фоном — психическое в данном случае лишь среда, а не часть социальной системы. Если социальная система состоит из коммуникаций, то для ее работы не нужен субъект с феноменальными состояниями — нужны операции, составляющие среду для

данной системы, что создает пространство для включения LLM в дискурс о коммуникации.

Коммуникация у Лумана включает в себя три селекции — информация, сообщение и понимание, представляя из себя их синтез. Она невозможна без какой-либо перечисленной селекции, в то время как селекции взаимно обуславливают друг друга. Информация – селекция, результатом которой выступает содержание сообщаемого, сообщение – селекция, в результате которой формируется способ сообщения содержания, а понимание – дифференциация содержания сообщаемого и способа сообщения. И информация, и сообщение работают с помощью различения: в информации происходит отбор того, что будет сообщено из бесконечного количества возможностей (Луман признает возможные миры в смысле различений и комбинаций), а в сообщении осуществляется отбор, как эта информация будет передана. Понимание тоже работает на основе различения, но различения между информацией и сообщением [Луман Н., 1995].

Поскольку коммуникация выступает операцией системы, а не актом сознания — что Луман крайне строго разделяет, — для ее воспроизводства не требуется субъект с феноменальными состояниями. Достаточно, чтобы система могла производить различения и связывать их в последовательности. Данный способ рассмотрения коммуникации позволяет включать LLM в качестве среды для коммуникативной системы. Мы не можем утверждать, «понимает» ли модель в человеческом, феноменальном смысле, но функционально она осуществляет синтез трех селекций, необходимых для продолжения коммуникации. Кроме того, понимание у Лумана — процесс дифференциации селекций информации и сообщения, а не психический акт или «то, каково это».

LLM демонстрирует все три селекции: 1) генерирует ответ из статистического распределения входящих токенов, 2) оформляет выбранные токены в вербальный вид, 3) функционально учитывает предыдущий контекст при формировании следующего ответа (благодаря архитектуре трансформера) — это и

есть различие информации и сообщения, позволяющего продолжать коммуникацию. Интересно, что в теории Лумана ситуация непонимания включена в ситуацию понимания — данная селекция играет аутопоэтическую роль, рождает саму себя только сама коммуникация, а не ее участники. При взаимодействии с LLM создается альтернатива — человек может согласиться, опровергнуть, попросить уточнить и т. д. Более того, часто LLM задает наводящие вопросы для продолжения коммуникации (из чего не следует, что она делает это намеренно). Человек распознает ответ LLM как осмысленный и реагирует на него, что замыкает цикл: ответ LLM — реакция-ответ человека — ответ LLM. В свою очередь реакция человека действует на нее по принципу поведения, управляемого паттернами, описываемого в предыдущем разделе. Таким образом, LLM не просто выдает текст, а производит операцию с помощью синтеза трех селекций, которая может быть подхвачена следующей коммуникацией, что показывает аутопоэтический характер системы. Коммуникация замыкается на самой себе, не производя ничего, кроме коммуникации.

В совокупности с аргументами, представленными в разделах об акторности LLM в социотехнической сети (Каллон, Латур) и достаточности поведения, управляемого паттернами для присутствия в языковой игре (Селларс), лумановское понимание коммуникации завершает трехчастное обоснование: LLM является актором, способным к языковой практике без «осознанности» и удовлетворяет формальным критериям коммуникации как социальной системы. Тем самым показывается, что LLM обладает основаниями для включения в социальную коммуникацию.

Обсуждение: конечный вид аргумента и возможные возражения

Итак, в текущем исследовании были показаны основания включения LLM в плоскость социальной коммуникации при помощи следующих инструментов.

1. В рамках АСТ обосновано включение LLM в социальную плоскость, обозначены ее гибридный и акторный характер и исключена

дихотомия природы и общества, принятая в классической социологии.

2. Использование теории языка Уилфрида Селларса помогло заключить, что для участия в языковой практике достаточно поведения, управляемого паттернами (pattern-governed behavior) без осведомленности (awareness), — именно такое поведение и демонстрирует LLM.

3. Опора на теорию коммуникации Лумана позволила выявить внутренние составляющие коммуникации, которые обнаруживаются при взаимодействии с LLM.

Хотелось бы обсудить возражения, с которыми может встретиться данная модель аргументации. Первым, что лежит на поверхности, может быть обвинение в простой симуляции, а не в подлинном участии в социальных отношениях. Ответ может быть следующим: во-первых, у нас нет инструментов, чтобы однозначно отказать LLM в осознанности, как ее и подтвердить. Во-вторых, если

коммуникация — операция и составляющее социальной системы, а не акт сознания, то разница между «подлинной» и «симулированной» коммуникацией теряет свою онтологическую значимость. В данной рамке коммуникация определяется не онтологическим статусом участников, а его функциональной ролью в воспроизводстве системы.

Другим возражением может быть необходимость намерения, которой у LLM нет. Опять же, заявлять такое было бы поспешным. Во всяком случае, АСТ не предполагает в качестве составной части «акторности» намерение — акторным характером обладают объекты, производящие изменения в сети вне зависимости от наличия у них мотивации.

Еще, как отмечалось выше, можно обвинить LLM в отсутствии понимания. На это подробно давался ответ в обсуждении аргумента «Китайской комнаты». Тем не менее, если мы рассматриваем коммуникацию в рамках Лумана, то селекция понимания представляет собой не психический акт, а различие, которое, по крайней мере функционально, успешно демонстрирует LLM.

Данный подход отличается от позиций антропоцентризма и близок к функционалистской линии. Это мотивировано отказом от однозначных суждений касательно «психической» жизни LLM и анализом исключительно того, что LLM демонстрирует. Намеренно не занимается позиция ни за, ни против функционализма.

Выводы

Как было показано, LLM обладает онтологическими основаниями для включения в социальную коммуникацию. Новизна главным образом заключается в применении селларианского понятия поведения, управляемого паттернами при анализе поведения LLM, и в синтезе трех различных онтологических традиций — АСТ, аналитической философии языка и системной теории коммуникации — для определения статуса LLM в коммуникации. Следует заметить, что данная трехчастная модель аргументации включения LLM в коммуникацию ограничивает свою сферу применения в рамках теорий перечисленных выше авторов. Не утверждается, что модель обладает сознанием или личностью, нормативные выводы остаются открытыми. Данную аргументацию возможно использовать как в качестве инструмента для изучения LLM, так и для проверки используемых теорий на адекватность в текущих реалиях. Дальнейшие исследования могут быть направлены на эмпирическую проверку предложенной модели, а также на разработку правовых и этических норм, опирающихся на данную онтологическую рамку.

Список литературы

Гофман И. Анализ фреймов. Эссе по организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.

Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. № 2. С. 79–96. EDN: JWURYH

Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 643 с. EDN: UCBIHV

Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114–124.

Селларс У. Эмпиризм и философия сознания. СПб: Европейский университет в С.-Петербурге, 2021. 218 с.

Сысоев М.С. Китайская комната // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/kitaiskaia-komnata-06ba8d> (дата обращения: 30.06.2026).

Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М.: URSS, 2015. 509 с.

Callon M. Actor-Network Theory – The Market Test // The Sociological Review. 1999. Vol. 47. P. 181–195. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-954x.1999.tb03488x>

Callon M. Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of St Brieuc Bay // Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge? / ed. by J. Law. London: Routledge & Kegan Paul, 1986. P. 196–233.

Callon M. The sociology of an actor-network: The case of the electric vehicle // Mapping the Dynamics of Science and Technology / ed. by M. Callon, J. Law, A. Rip. London: Macmillan Press, 1986. P. 19–34. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-07408-2_2

Epstein B. The Ant Trap: Rebuilding the Foundations of the Social Sciences. New York: Oxford University Press, 2015. 298 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199381104.01.0001>

Gan Z., Ren R., Yao W., Hu X., Xu G., Qian C., Tang H., Gong Z., Yao X., Tang P., Dou Z., Liu Y. Beyond the Black Box: A Survey on the Theory and Mechanism of Large Language Models // arXiv. 2026. URL: <https://arxiv.org/pdf/2601.02907> (дата обращения: 01.07.2026). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2601.02907>

Latour B. We have never been modern. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993. 157 p.

Parfit D. Personal Identity // The Philosophical Review. 1971. Vol. 80, № 1. P. 3–27. DOI: <https://doi.org/10.2307/2184309>

Sellars W. Some Reflections on Language Games // Philosophy of Science. 1954. Vol. 21, № 3. P. 204–228. DOI: <https://doi.org/10.1086/287344>

Serres M. Hermes III: Translation (Posthumanities). Minneapolis: University of Minnesota Press, 2026. 304 p.

Zhao W.X., Zhou K., Li J., Tang T., Wang X., Hou Y., Min Y., Zhang B., Zhang J., Dong Z., Du Y., Yang C., Chen Y., Chen Z., Jiang J., Ren R., Li Y., Tang X., Liu Z., Liu P., Nie J.-Y., Wen J.-R. A Survey of Large

Language Models // arXiv. 2023. URL: <https://arxiv.org/abs/2303.18223> (дата обращения: 01.07.2026). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2303.18223>

Zichong W., Zhibo C., Thang V.D., Shiwen N., Min Y., Wenbin Z. History, development, and principles of large language models: an introductory survey scallops and the fishermen of St Brieuc Bayhermen of St Brieuc Bay // *AI and Ethics*. 2024. №. 5(3). P. 1955–1971. DOI: <https://doi.org/10.1007/s43681-024-00583-7>

References

Callon, M. (1999). Actor-network theory – the market test. *The Sociological Review*. Vol. 47, pp. 181–195. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-954x.1999.tb03488x>

Callon, M. (1984). Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of St Brieuc Bay. *Law, J. (ed.) Power, action and belief: a new sociology of knowledge?* London: Routledge & Kegan Paul Publ., pp. 196–233.

Callon, M. (1986). The sociology of an actor-network: The case of the electric vehicle. *Callon M., Law J., Rip, A. (eds.) Mapping the dynamics of science and technology*. London: Macmillan Press, pp. 19–34. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-07408-2_2

Chalmers, D. (2015). *Soznayuschiy um. V poiskakh fundamental'noy teorii* [The conscious mind: in search of a fundamental theory]. Moscow: URSS Publ., 509 p.

Epstein, B. (2015). *The ant trap: rebuilding the foundations of the social sciences*. New York: Oxford University Press, 298 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199381104.01.0001>

Gan, Z., Ren, R., Yao, W. et al. (2026). Beyond the black box: a survey on the theory and mechanism of large language models. *ArXiv*. Available at: <https://arxiv.org/pdf/2601.02907> (accessed 01.07.2026). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2601.02907>

Gofman, I. (2003). *Analiz freymov. Esse po organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame analysis: an essay on the organization of experience]. Moscow: IS RAS Publ., 752 p.

Latour, B. (1993). *We have never been modern*. Cambridge: Harvard University Press, 157 p.

Latour, B. (2007) [On interobjectivity]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. No. 2, pp.

79–96.

Lumann, N. (1995). [What is communication?]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 3, pp. 114–124.

Lumann, N. (2007). *Sotsial'nye sistemy: ocherk obschey teorii* [Social systems: outline of a general theory]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 643 p.

Parfit, D. (1971). Personal identity. *The Philosophical Review*. Vol. 80, no. 1, pp. 3–27. DOI: <https://doi.org/10.2307/2184309>

Sellars, U. (2021). *Empirizm i filosofiya soznaniya* [Empiricism and the philosophy of mind]. Saint Petersburg: EUSP Publ., 218 p.

Sellars, W. (1954). Some reflections on language games. *Philosophy of Science*. Vol. 21, no. 3, pp. 204–228. DOI: <https://doi.org/10.1086/287344>

Serres, M. (2026). *Hermes III: Translation (posthumanities)*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 304 p.

Sysoev, M.S. [Chinese room argument]. *Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Available at: <https://bigenc.ru/c/kitaiskaja-komnata-06ba8d> (accessed 30.06.2026).

Zhao, W.X., Zhou, K., Li J. et al. (2026). *A survey of large language models*. *ArXiv*. Available at: <https://arxiv.org/abs/2303.18223> (accessed 01.07.2026). DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2303.18223>

Zichong, W., Zhibo, C., Thang, V.D., Shiwen, N., Min, Y. and Wenbin, Z. (2024). History, development, and principles of large language models: an introductory survey scallops and the fishermen of St Brieuc Bayhermen of St Brieuc Bay. *AI and Ethics*. No. 5 (3), pp. 1955–1971. DOI: <https://doi.org/10.1007/s43681-024-00583-7>

Об авторе

Гринь Софья Дмитриевна
студентка направления «Философия»,

Государственный академический университет
гуманитарных наук
119090, Москва, Мароновский переулок 26;
e-mail: sophiagrin2255@gmail.com
ResearcherID: QMR-9984-2026

About the author

Sofiya D. Grin'
Philosophy Student

State Academic University for the Humanities,
26, Maronovsky Lane, Moscow, 119090, Russia;
e-mail: sophiagrin2255@gmail.com
ResearcherID: QMR-9984-2026